

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА

© 2011 г. Татьяна Владимировна Кленова¹

Краткая аннотация: правоприменение включено в уголовную политику. Настоящий материал – об угрозах, связанных с усилением роли принципа политической целесообразности в практике квалификации преступлений, и о необходимости последовательного проведения политики порицания при квалификации преступлений.

Annotation: Law enforcement is included in the criminal policy. The present material – is about the threats connected to strengthening of a role which is played by the principle of political expediency in practice of qualification of crimes, and about the necessity of consecutive adoption of policy of censure during the qualification of crimes.

Ключевые слова: квалификация преступлений, уголовная политика, политика порицания, дискриминация и привилегии при квалификации преступлений.

Key words: qualification of crimes, criminal policy, policy of censure, discrimination and privileges at qualification of crimes.

Особенностью современного российского уголовного права является его политизация. Не только при подготовке и принятии уголовных законов, но и в правоприменительном процессе всё более проявляется политика государства. Политической целесообразностью объясняется отступление от принципов законности, равенства, справедливости. Всё чаще обнаруживается политическая конфликтность уголовно-правового регулирования. Как следствие, уголовная политика оказывается одновременно либеральной для одних и карательной для других, хотя совершены аналогичные преступления в сопоставимых условиях.

Решение политических задач посредством уголовно-правового регулирования имеет идеологическую основу. В истории нашей страны государственной властью, открыто провозгласившей идеологическую направленность уголовного законодательства, была советская власть. Нормы советского уголовного права устанавливались в законодательстве в соответствии с идеологически насыщенными принципами, такими как классовость, патриотизм, пролетарский интернационализм, социалистический демократизм².

В постсоветском Российском государстве в условиях критики советского уголовного законодательства за идеологический догматизм актуаль-

ность приобрел вопрос, каким принципам должен соответствовать новый уголовный закон. Многие ученые считали, что уголовный закон не должен быть средством борьбы за власть и что идеология класса, партии, политического движения не должна определять уголовную политику³.

Рекомендации о деполитизации и деидеологизации уголовного права и уголовной политики не получили весомой поддержки в науке российского уголовного права и не были восприняты в законодательной практике. В постсоветском Российском государстве, как и на предыдущих этапах развития российской государственности, уголовный закон рассматривается как мера политико-правовая и в арсенале политики обосновывается идеологически. Основопологающей идеологически значимой идеей правового регулирования признается принцип демократизма, дополняемый признаком “либеральный”.

О правоприменительном направлении уголовной политики

При исследовании вопроса о соотношении уголовного права и уголовной политики обычно ограничиваются законодательной сферой уголовной политики. Так, А.И. Коробеев, признавая, что содержание уголовно-правовой политики не сводится только к правотворчеству, в него входит и правоприменительная деятельность, “главным содержанием” уголовно-правовой политики при-

¹ Заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Самарского государственного университета, доктор юридических наук (E-mail: Klenova_tatiana@mail.ru).

² См., например: Кригер Г.А. Место принципов советского уголовного права в системе принципов права // Сов. гос. и право. 1981. № 2. С. 102–107.

³ См., например: Загородников Н.И., Сахаров А.Б. Демократизация советского общества и проблемы науки уголовного права // Сов. гос. и право. 1990. № 12. С. 50, 51.

знал криминализацию, пенализацию, декриминализацию, депенализацию⁴. Именно эти законодательные явления А.И. Коробеев выделил из ряда элементов содержания уголовно-правовой политики, сделав специальным предметом исследования в монографии, в целом посвященной уголовно-правовой политике.

Некоторые исследователи одинаково оценивают значение правотворчества и правоприменения для уголовной политики, но как внешних по отношению к ней факторов. Содержанием же уголовной политики считают совокупность идей, концепции или программы о противодействии преступности, а правотворческую и правоприменительную практику определяют формами реализации уголовной политики. Например, Н.А. Беляев писал: «Конечно, политика без практической деятельности по её реализации ничто. Однако политика и её практическая реализация не одно и то же»⁵. Н.А. Беляев пришел к выводу, что содержание политики составляет теоретическая разработка практического осуществления средств и методов воздействия на предмет политики – преступность⁶.

Поскольку уголовная политика входит в структуру государственной политики, то представляется неправильным отождествлять её с идеями и доктринами. Как и любое направление государственной политики, уголовная политика отличается свойством реальности. Это – практическая сложноструктурированная деятельность государства по противодействию преступности. Об уголовной политике следует судить главным образом с учетом содержания и развития уголовного законодательства и практики его применения.

О законодательной и правоприменительной формах реализации уголовной политики уместно вести речь, когда закон и правоприменение сориентированы на уголовную политику, определенную в иных источниках. В Российской Федерации нет национальной программы (стратегии) противодействия преступности, но есть отдельные акты, определяющие стратегию уголовной политики в отношении конкретных видов преступной деятельности. Например, Указом Президента Российской Федерации Д.А. Медведева 13 апреля 2010 г. утверждена Национальная стратегия противодействия коррупции, обращенная к законо-

дательным и практическим органам⁷. Когда уголовная политика регламентируется в подобных программных официальных актах с выделением целей и задач, принципов, направлений, установлением механизма реализации, то относительно таких актов уголовный закон и практическая деятельность правоприменительных органов являются формами реализации уголовной политики.

В настоящее время государством в основном решаются не стратегические, а тактические задачи уголовной политики. Соответственно, принимаются уголовные законы, не обоснованные официально принятыми стратегиями или концепциями. Государственная власть активно использует возможности уголовного закона в государственном управлении, рассматривая уголовно-правовые методы воздействия на поведение людей как необходимые и радикальные, дающие быстрый эффект обеспечения властеотношений и общественной безопасности. Меняется реальность, и ответно обновляется уголовная политика, что отражается в текущем уголовно-правовом регулировании, когда вводятся в действие законы, изменяющие и дополняющие уже предусмотренные в кодифицированном законе правила уголовной ответственности. Законодательно установленные уголовно-правовые нормы непосредственно включаются в содержание уголовной политики.

Правоприменение по определению имеет прикладное значение по отношению к правотворчеству и предназначено быть формой осуществления законодательно выраженной уголовной политики. Вместе с тем в сфере уголовной политики правоприменение имеет и самостоятельное значение. Уголовная политика может изменяться и без законодательного закрепления с ориентиром на политическую целесообразность. Как и при текущем уголовно-правовом регулировании, посредством правоприменения осуществляется ситуативная уголовная политика с учетом динамики криминальной ситуации, а также открывшихся социальных, экономических и организационных обстоятельств. ***Правоприменение наряду с правотворчеством составляет отдельное направление уголовной политики с внутренними источниками развития, закономерностями и особенностями.***

Самостоятельное уголовно-политическое значение правоприменительной практики косвенно подтверждается криминологическими исследованиями соотношения фактической и зарегистрированной преступности. В ходе этих исследований

⁴ См.: Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток, 1987. С. 6.

⁵ Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути её реализации. Л., 1986. С. 29.

⁶ См.: там же. С. 27.

⁷ См.: Собрание законодательства РФ. 2010. № 16. Ст. 1875, 1876.

установлена тенденция роста преступлений, которые не были выявлены из-за невыполнения должностными лицами своих обязанностей или стали известны правоохранительным органам. Тем не менее они остались официально не выявленными и были укрыты от регистрации (“искусственная латентность”).

Например, о росте невыявленной и укрытой латентной преступности пишет С.М. Иншаков со ссылкой на результаты работы сотрудников отдела проблем латентной преступности и криминологического прогнозирования Академии Генеральной прокуратуры РФ, изучавших состояние и изменения латентной преступности за последние десять лет. С.М. Иншаков считает достоверным вывод о латентности 23 млн. преступлений, а искусственную часть латентной преступности определяет в размере 38% от всей латентной преступности. Этот автор спрогнозировал возрастание искусственной латентной преступности в 2010 году на 3–4%⁸.

Л.В. Кондратюк и В.С. Овчинский, представляя данные исследования, проведенного в 21 регионе страны другим коллективом – ВНИИ МВД РФ, определяют состояние искусственной латентности с еще большей тревогой. Общий массив латентных преступлений, по мнению этих авторов, в 2006 г. составил 22 млн. Из них искусственно укрытыми были примерно 11 млн., т.е. половина всех незарегистрированных преступлений⁹.

Меняются не только количественные, но и качественные показатели латентной преступности, и эти изменения не являются ответными к изменениям и дополнениям законодательства. В настоящее время ряд преступлений с традиционно высокой латентностью (например, дача и получение взятки, коммерческий подкуп, злоупотребление должностными полномочиями, уклонение от уплаты налогов, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств) по-прежнему совершаются, ранее считавшимися средне- и низколатентными. Низколатентными перестали признавать даже убийства¹⁰.

⁸ См.: *Иншаков С.М.* Латентная преступность в Российской Федерации: перспективы исследования // [http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/inshakov\(10-04-10\).htm](http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/inshakov(10-04-10).htm)

⁹ Л.В. Кондратюк и В.С. Овчинский невыявленную латентную преступность не отделяют от укрытой латентной преступности (см.: *Кондратюк Л.В., Овчинский В.С.* Криминологическое измерение. М., 2008. С. 179).

¹⁰ См., например: Доктор юридических наук Владимир Овчинский – об убийствах в России // <http://www.svobodanews.ru/articleprintview/2275114.html>; *Корсантия А.* Латентность убийств в современной России // Уголовное право. 2011. № 1. С. 84, 94.

Таким образом, в России не обеспечивается неотвратимость уголовной ответственности. В УК РФ включено множество норм, которые применяются редко, выборочно, в то время как преступления, являющиеся основаниями применения соответствующих норм, широко распространены. ***Очевидно, что практика укрытия преступлений имеет регулярный и регулируемый характер и является реакцией правоохранительных органов, в том числе на уголовно-политическую задачу оптимизации статистики преступности.***

Прямым подтверждением формирования уголовной политики в процессе правоприменения является официальная судебная правотолковательная деятельность, когда она меняет смысл и содержание уголовного закона. Правоприменительные органы, принимая решения по уголовным делам, ориентируются не только на УК РФ, но и на правотолковательную практику Конституционного Суда РФ¹¹, Европейского Суда по правам человека, Верховного Суда РФ. Когда в результате толкования статьи уголовного закона изменяются пределы её применения и принимаются решения, способные служить прецедентом при рассмотрении уголовных дел, это значит, что правоприменительные органы фактически выходят за рамки правоприменительной деятельности и вовлекаются в правотворческий процесс, как следствие – в уголовную политику.

Наряду с судебными разъяснениями уголовного закона в связи с рассмотрением конкретных уголовных дел научные исследователи источниками уголовно-правовых норм стали признавать и правовые позиции судов. О том, что правовые позиции – это самостоятельное явление в юридической практике, пишут, например, Н.А. Власенко

¹¹ Уголовно-политическое значение разъяснений Конституционного Суда РФ ярко проявилось в постановлении от 19 ноября 2009 г. относительно смертной казни – наказания, применение которого является индикаторным для определения уголовной политики государства. Несмотря на наличие законодательной базы для назначения наказания в виде смертной казни, Конституционный Суд РФ определил, что в Российской Федерации не открывается возможности применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей. В тексте названного определения прямо сказано, что Конституционный Суд оценивал обстоятельства, имеющие существенное политико-правовое значение. Таким образом, в Российской Федерации вопрос о смертной казни был решен не законодательной, а судебной властью в лице Конституционного Суда РФ и не на основе закона. В.Д. Зорькин, председатель Конституционного Суда РФ, так и сформулировал: “Конституционный Суд принял решение о запрете смертной казни в России” (см.: *Росс. газ.* 2009. 11 дек.).

и А.В. Гринева: “Именно эти позиции являются определяющими в правовом регулировании, и не только с точки зрения достижения правового эффекта (урегулирование фактических отношений), но и правообразующего влияния”¹². Под правовыми позициями здесь понимается не совокупность принятых по аналогичным делам решений и тем более не конкретное решение по отдельному делу, а система правовых аргументов, положенная в основу вывода о применении соответствующей юридической нормы или группы норм.

Включение в круг субъектов уголовной политики органов судебной власти допустимо с позиции конституционного права. В Конституции РФ задан порядок осуществления государственной власти на основе её разделения на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10). При этом государственная политика, её отдельные направления не отнесены к сфере деятельности определенной ветви власти. В Конституции РФ никакие органы и должностные лица не исключены из круга субъектов государственной политики, но выделена роль Президента РФ: “Президент Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами определяет основные направления внутренней и внешней политики государства” (ст. 80). Представляется, что разделение властей в связи с осуществлением уголовной политики определяется так же, как для государственной политики в целом. Разделение властей сопровождается различием полномочий государственных органов и должностных лиц в связи с уголовной политикой, а не исключением из сферы уголовной политики носителей законодательной, исполнительной или судебной власти. Ряд субъектов, формирующих и осуществляющих уголовную политику, составляют Президент РФ, другие структуры исполнительной власти, органы законодательной власти, суды.

О политике порицания в квалификации преступлений

Анализ содержательного наполнения и определение объема правоприменительной уголовной политики, как и других направлений уголовной политики, осложнен в связи с множественными смысловыми ассоциациями исходного термина. Понятие уголовной политики является общепотребительным, но нет общепринятого его определения и нет легальной его дефиниции.

Есть существенные расхождения в определении круга правовых средств уголовной политики, их отраслевой принадлежности. Научные исследователи, понимающие уголовную политику в широком смысле, как правило, называют четыре её составляющие подсистемы: уголовно-правовую, уголовно-процессуальную (судебную), уголовно-исполнительную (пенитенциарную) и криминологическую (профилактическую)¹³. Признается допустимым и более широкий подход, например со включением в уголовную политику административно-правовой политики¹⁴. Расширение содержания уголовной политики обычно объясняется её комплексным характером, взаимодействием отраслей криминального цикла и смежной отрасли административного права в отношении преступности. Уголовно-правовой называют одну из подсистем уголовной политики, которая основана на уголовном законе и выражается в использовании средств, предусмотренных этим законом. Таким образом, для определения уголовной политики в широком и узком смысле предлагается употреблять различные термины – соответственно, “уголовная политика” и “уголовно-правовая политика”.

Представляется правильным замечание Н.А. Лопашенко, что разделение уголовной политики и уголовно-правовой политики есть искусственное разделение одного и того же явления и нельзя определять уголовной или уголовно-правовой всю государственную политику противодействия преступности. Н.А. Лопашенко характеризует связь уголовно-правовой политики (уголовной политики) с государственной политикой противодействия преступности следующим образом: “Это определяющая часть политики государства в области противодействия преступности; именно на её основе формируются стратегия и тактика политики уголовно-исполнительной, уголовно-процессуальной и криминологической”¹⁵.

Анализ научно-исследовательских материалов о понятии уголовной политики показывает, что под сомнение ставятся все признаки уголовной политики, кроме её сопряженности с преступлением и наказанием. Именно преступления и наказания передают специфичность уголовной политики, позволяют отличить её от иных видов

¹² Власенко Н.А., Гринева А.В. Судебные правовые позиции (Основы теории). М., 2009. С. 53.

¹³ См., например: Дагель П.С. Проблемы советской уголовной политики. Владивосток, 1982. С. 11, 12; Коробеев А.И. Указ. соч. С. 48.

¹⁴ См., например: Побегайло Э.Ф. Симптомы кризиса современной российской уголовной политики // Изб. труды. СПб., 2008. С. 9.

¹⁵ Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С. 25.

государственной политики и определить её социальное значение. Такой подход, предполагающий определение уголовной политики в соотношении с уголовным правом, представляется наиболее юридически точным. И это самый короткий путь к пониманию реальной уголовной политики: посредством оценки норм уголовного закона и практики их применения.

С позиций уголовного права *уголовная политика представляет собой деятельность государства, объект которой – общественные отношения, содержание – определение целей, задач и принципов реагирования на преступления, а также использование уголовно-правовых средств в соответствии с избранными целью, задачами и принципами деятельности.*

Критериальное значение для определения содержания и тенденций уголовной политики имеют уголовный закон (законодательные предписания о преступлениях, наказаниях и иных мерах уголовно-правового характера, их изменение и дополнение) и правоприменительная практика (квалификация преступлений, назначение наказания, освобождение от уголовной ответственности и наказания).

Для понимания уголовной политики очевидное значение имеет законодательная регламентация наказания (предписания о видах наказаний и правилах назначения наказания в статьях Общей части УК РФ, санкции статей Особенной части настоящего Кодекса) и в еще большей степени – практика назначения наказания. Именно по наказанию прежде всего судят о функциональных возможностях уголовного закона, нацеленности усилий государственной власти на охрану интересов личности, общества и государства от преступных посягательств, действительном соотношении репрессивной и либеральной тенденций уголовной политики.

Квалификация преступлений имеет не такое явное значение для уголовной политики, как наказание, но её значение существенное – и не только потому, что изменение правил квалификации влияет на содержание и пределы уголовного принуждения.

Данные о квалификации преступлений составляют эмпирическую базу для принятия уголовно-политических решений. Неправильная квалификация преступлений представляет собой искаженное отражение объективной криминальной ситуации и является одной из причин недостоверности официальных статистических данных о состоянии преступности в стране. Неадекватная

статистика преступлений препятствует выработке целесообразных направлений и средств уголовной политики.

Для уголовной политики практика квалификации преступлений имеет и непосредственное значение, поскольку в практике квалификации преступлений выражается политика порицания. *Политика порицания – это деятельность государства, направленная на разрешение социальных конфликтов, возникающих в связи с посягательствами на важные социальные ценности и общественные отношения, путем квалификации этих посягательств как преступлений.*

Государство одновременно устанавливает уголовно-правовые запреты и является стороной уголовно-правовых отношений, возникающих при нарушении законодательно определенных запретов. Иногда уголовно-правовые отношения определяются как односторонние в том смысле, что “преступник обязан нести ответственность за совершенное деяние, а государство имеет право его наказать”¹⁶. Однако общепринятыми стали знания о содержании уголовно-правового отношения в виде взаимных прав и обязанностей его субъектов. Для конфликтных (охранительных) уголовно-правовых отношений, возникающих в связи с совершением преступления, это – права и обязанности, определяющие состояние и пределы уголовной ответственности лица, совершившего преступление. Государство может освободить себя от некоторых, но не от всех обязанностей, сопряженных с уголовной ответственностью лица, нарушившего установленный государством запрет. Так, государство вправе решить вопрос об уголовной ответственности или других видах уголовно-правового принуждения не на общих основаниях, а с учетом особых обстоятельств содеянного или данных о личности, назначить наказание более мягкое, чем предусмотрено за данное преступление, посчитать нецелесообразным уголовное наказание и освободить от наказания. Вместе с тем государство не вправе оставить факт совершения преступления без реакции, освободив себя от обязанности осуществить порицание лица, совершившего преступление. Выполнение этой обязанности – не только часть уголовной ответственности, но и необходимое условие разрешения конфликта лица, совершившего преступление, с государством, обществом, а также потерпевшим от преступления.

¹⁶ Российское уголовное право / Под ред. А.И. Рарога. Т. 1. Общая часть. М., 2004. С. 8 (авт. гл. О.Ф. Шишов).

Государство должно дифференцированно относиться к лицам с правомерным и преступным поведением, порицая последних¹⁷. Порицание усиливается наказанием, но не сводится к нему, а выражается в признании от имени государства акта общественно опасного поведения человека преступлением определенного вида и категории. Порицание – необходимое последствие совершения преступления и при освобождении от уголовной ответственности, если это освобождение имеет нереабилитирующие основания, например при амнистировании или освобождении от уголовной ответственности в связи деятельным раскаянием.

Порицание оформляется в процессуальных актах в виде персонализированного вывода о квалификации преступления. На досудебных стадиях уголовного процесса решения об уголовно-правовой квалификации имеют предварительный характер, хотя уже являются позорящими для лица, в отношении которого ведется уголовно-процессуальное преследование. Решения судей о квалификации содеянного как преступления являются безусловным порицанием, поскольку подтверждены оглашением обвинительного приговора, и человек, в деянии которого установлен состав преступления, приобретает статус преступника.

То что в современной уголовной политике не уделяется должного внимания политике порицания, особенно заметно по практике принятия решений об отказе в возбуждении уголовных дел, в соответствии с которыми исключаются в принципе достоверное установление виновности или невиновности лица, предположительно совершившего преступление, и осуждение за преступление. О том, что практика отказов в возбуждении уголовных дел имеет массовый характер, свидетельствуют данные статистической отчетности ГИАЦ МВД РФ. Так, в 2008 г. органами внутренних дел рассмотрено 21.5 млн. заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях, что на 4.7% больше, чем за 2007 г. По каждому восьмому сообщению (12.2%) принято решение о возбуждении уголовного дела. Всего возбуждено 2 млн. 632.6 тыс. уголовных дел, что на 12% меньше показателя 2007 г. При этом было отменено 126 632 постановления об отказе в воз-

буждении уголовного дела с последующим его возбуждением. В 2009 г. органами внутренних дел рассмотрено 22.79 млн. заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях, что на 6% больше, чем за 2008 г. Только по каждому девятому сообщению (10.7%) принято решение о возбуждении уголовного дела. Всего возбуждено 2 млн. 445.5 тыс. уголовных дел, что на 7.1% меньше показателя 2008 г. При этом отменено 146 129 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела с последующим его возбуждением. В 2010 г. органами внутренних дел рассмотрено 23.88 млн. заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях, что на 4.8% больше, чем за 2009 г. Только по каждому 11-му сообщению (9.1%) принято решение о возбуждении уголовного дела. Всего возбуждено 2 млн. 183.2 тыс. уголовных дел, что на 10.7% меньше показателя аналогичного периода прошлого года¹⁸.

Приведенные данные позволяют обнаружить конфликт интересов граждан и государства: заявлений и сообщений о предположительно совершенных преступлениях становится все больше, а уголовных дел возбуждается все меньше. Растут показатели как отказных решений о возбуждении уголовных дел, так и отмененных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела с последующим его возбуждением. *Нельзя не признать очевидного, что правоприменители имеют чрезмерно большую свободу усмотрения при возбуждении уголовных дел. Эта ситуация – проявление уголовно-политического кризиса. С одной стороны, в Российской Федерации не разрешена проблема служебного укрывательства преступлений и не обеспечен необходимый уровень безопасности личности, общества и государства, с другой – есть проблема роста «тюремного населения».*

Уголовные дела возбуждаются преимущественно в связи с очевидными преступлениями, когда ясен состав преступления и есть доказательная база совершения соответствующего деяния конкретным лицом. В постановлениях об отказе в возбуждении уголовного дела вывод об отсутствии состава преступления часто остается без какой-либо мотивировки. Н.Ф. Кузнецова с обеспокоенностью писала: «Нерадивые дознаватели и следователи восприняли дух и букву нового УПК как индульгенцию на широкомасштабные отказы в возбуждении уголовных дел, нередко со ссылкой на отсутствие состава преступления, без малейших попыток его обнаружить. Странная

¹⁷ Следует согласиться с В.К. Дуоновым, который с уместной настойчивостью говорит об актуальности задачи обеспечения неотвратимости уголовно-правового воздействия как неизбежной реакции государства на каждый акт совершения преступления с негативной оценкой содеянного, его порицанием (см., например: Дуонов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М., 2003. С. 129–133).

¹⁸ http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_88233/

сложилась практика: для привлечения к уголовной ответственности надо доказать все признаки состава преступления. Для отказа достаточно магической фразы “за отсутствием состава преступления”¹⁹.

О политической конфликтности практики квалификации преступлений

Бездействие власти, связанное с уклонением уполномоченных представителей власти от обязанности оценить содеянное как правомерное или уголовно-противоправное деяние, как и квалификация преступления с недостоверным установлением обстоятельств дела, возможно в том числе потому, что задачи уголовного права и уголовно-процессуального права выполняются правоприменителями с дезориентированным правосознанием.

Чтобы правоприменительная уголовная политика имела результатом преодоление, а не укрывательство преступности, необходима ориентированность должностных лиц правоприменительных органов на разрешение любого конфликта интересов с учетом приоритета конституционных принципов. Если государство не выстраивает правоприменительную политику в соответствии с провозглашенными в Конституции РФ социально значимыми принципами, это усугубляет конфликты, порожденные преступлениями, и даже может привести к социальным протестным проявлениям.

Так, в современной России уже обозначилась неудовлетворенность общества тем, как представители государства реализуют принцип равенства по уголовным делам.

Принцип равенства провозглашен в ст. 19 Конституции РФ. Часть 2 этой статьи гласит: “Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности”. В ст. 4 УК РФ воспроизводится конституционное определение принципа равенства перед законом в отношении лиц, совершивших преступления, нет

только части о запрете ограничений прав граждан по признакам принадлежности и не упоминается процессуальное положение о равенстве граждан перед судом. Таким образом, в УК РФ принцип равенства предусмотрен, но не конкретизирован для целей правоприменения. При данных обстоятельствах не кажется случайным, что не только назначение наказания, но и квалификация преступлений осуществляются правоприменителями без ориентира на принцип равенства.

Отступления от принципа равенства в практике квалификации преступлений выражаются в том, что по-разному толкуются одни и те же статьи УК РФ при решении вопроса о наличии состава преступления в отношении лиц разных национальностей, имущественного положения и других принадлежностей.

В последние годы в сети Интернет и других средствах массовой информации предметом активных дискуссий являются проблемы национальных привилегий в отношении лиц, совершивших преступление, и национальной дискриминации в отношении потерпевших, причем в связи не только с практикой наказания, но и квалификацией преступлений.

Социальные группы, недовольные уголовно-правовыми привилегиями и дискриминацией по национальным принадлежностям, поддерживаются и используются политическими организациями и движениями. Это стало очевидным 11 декабря 2010 г., когда в Москве и ряде других городов прошли несанкционированные с оказанием неповиновения властям митинги и шествия, посвященные погибшему Егору Свиридову – члену сообщества болельщиков футбольной команды “Спартак”, который был убит с применением травматического пистолета пятью выстрелами, последний из них был совершен в затылок. Нападавшие (уроженцы Дагестана и Кабардино-Балкарии) были задержаны и спустя несколько часов отпущены. Уголовное дело возбудили только через два дня и уже в условиях общественного давления, инициированного футбольными болельщиками. Представители власти не стали квалифицировать содеянное как убийство. Р. Нургалиев, министр МВД РФ, обращаясь к организаторам митинга на Манежной площади, признал факт насильственной смерти, но заключил, что “смерть Егора Свиридова наступила в результате хулиганских действий”²⁰. Официальный представитель Следственного комитета В. Маркин в тот

¹⁹ Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу “Основы квалификации преступлений”. М., 2007. С. 23.

²⁰ ИТАР ТАСС // <http://www.itar-tass.com/prnt.html?NewsID=15770296>

же день сделал заявление для средств массовой информации: «Сегодня по ходатайству следствия в отношении Хасана Ибрагимова и Наримана Исмаилова, подозреваемых в совершении преступлений, предусмотренных ст. 116 “Побои” и 213 “Хулиганство” УК РФ, судом была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу»²¹.

Уголовный закон не применяется или применяется неадекватно обстоятельствам – с квалификацией содеянного как хулиганства или иного преступления, совершаемого из хулиганских побуждений. По этой причине одни представители общественности считают, что государство не принимает должных мер для противодействия националистическим насильственным проявлениям, другие – что государство признает проблему национализма, но дискриминационно по отношению к потерпевшим с учетом их национальной принадлежности.

О политико-правовом значении квалификации нарушений, которые связаны с разжиганием межнациональной и межконфессиональной ненависти или вражды, на заседании президиума Государственного совета говорил Д.А. Медведев (11 февраля 2011 г., г. Уфа). Президент РФ признал, что такого рода посягательства на права и свободы человека “создают почву для возникновения колоссальных конфликтов, включая самые тяжелые и иногда даже кровавые конфликты... И именно из этого нужно исходить при принятии решения о квалификации и об ответственности таких лиц”²².

Действительно, очень важно, чтобы преступления, нарушающие права, свободы и законные интересы человека и гражданина в зависимости от социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, не укрывались государством, в том числе посредством их квалификации как хулиганства или преступлений против личности и собственности, совершенных из хулиганских побуждений.

К сожалению, возможность квалификации насильственных действий, мотивированных национальной ненавистью, как совершенных из хулиганских побуждений получила законодательную опору. Законом РФ от 24 июля 2007 г. легальная дефиниция хулиганства дополнена мотивами политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды,

а также мотивами ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Отсутствие в законодательном определении хулиганства упоминания о хулиганском побуждении является предпосылкой для отождествления мотивов национальной ненависти и хулиганских побуждений при квалификации преступлений. Такая переоценка в общественном мнении воспринимается как пример использования уголовного закона для решения политических задач²³.

Общественное мнение пристрастно и к случаям осуждения по ст. 282 и ст. 280 “Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности” и ст. 282.1 “Организация экстремистского сообщества” УК РФ, которые, казалось бы, призваны быть уголовно-правовыми гарантиями принципа равенства. “Экстремистские” статьи УК РФ многими оцениваются критически, может быть, потому, что соответствующие уголовно-правовые запреты воспринимаются как несущие угрозу праву на свободу мысли и слова, а может быть, из-за того, что неопределенность и неясность содержания этих статей допускают возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения²⁴, т.е. в действительности данные нормы не обеспечивают принципа равенства.

Преступления, совершаемые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, существенно повышают конфликтность общественных отношений. Задача государственной власти – разрешать социальные конфликты, и для ее выполнения следует совершенствовать и законодательную, и правоприменительную практику. Необходимо, чтобы правоприменение

²³ Например, В.В. Лунеев пишет о том, что “политика продолжает подминать право”, и подтверждает этот вывод политизацией хулиганства (см.: Лунеев В.В. Проблемы юридических наук криминального цикла // Гос. право. 2007. № 5. С. 48).

²⁴ В соответствии с позицией Конституционного Суда РФ неопределенность содержания правовой нормы, её санкции допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведёт к произволу, а значит, к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона; дифференциация мер ответственности необходима в целях устранения их произвольного применения (см.: Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР “О Государственной налоговой службе РСФСР” и Законов Российской Федерации “Об основах налоговой системы в Российской Федерации” и “О федеральных органах налоговой полиции”» от 15 июля 1999 г. // Собрание законодательства РФ. 1999. № 30. Ст. 3988).

²¹ ИТАР ТАСС // <http://www.itar-tass.com/prnt.html?NewsID=15770350>

²² <http://www.kremlin.ru/transcripts/10312>

основывалось на законе, и вопросы уголовной ответственности решались, исходя из достоверно установленных фактических обстоятельств дела и состава преступления.

Таким образом, оценивая проблему квалификации преступления в аспекте уголовной политики, признаем реальность включения уголовно-правового регулирования в политические процессы. Вместе с тем нельзя забывать об угрозах политически конфликтного право-

применения. Совершенно недопустимо, чтобы в государстве, гарантирующем принципы законности, справедливости, равенства прав и свобод человека и гражданина, признавалась политическая целесообразность отступлений от этих принципов. Вариативность уголовной политики неизбежна, но она не может быть одновременно либеральной для одних и карательной для других, если совершены аналогичные преступления в похожих условиях.